

ПУТЕШЕСТВИЯ
ВСТРЕЧИ
ВПЕЧАТЛЕНИЯ

НА ПАРТИЗАНСКИХ ТРОПАХ

И. ЩЕДРОВ

Потомки «диких рабов»

СЕДЛАЕМ перевал за перевалом. Трудно даются подъемы, особенно раненым и контуженным. Нелегко и воинам-носильщикам. Они идут с частыми короткими остановками. И тогда длинная цепочка людей на каменных площадках образует круг, обозначенный красными огоньками сигарок. Их скручиваем из древесных листьев. От крепкого табака першит в горле, и «кашельная эстафета» перекачивается по кругу. Перед выходом каждый раз всматриваемся в ночной небосклон, вслушиваемся в дремотную тишину джунглей, изредка прерываемую свистом гиббонов, звериным рычанием и вскриком взбудораженных птиц. Вверх — вниз, вверх — вниз... После каждого перехода, прижигая огоньками сигарок, снимаем с тела пиявок, осматриваем ссадины и порезы на кровотокающих ступнях и голених ног... В одной из долин, на поляне, небольшая деревушка. Десять хижин на сваях разместились под кронами огромных деревьев. И лишь когда вступаем на сельскую «улицу», убеждаемся, что перед нами еще одна «деревня-мираж». Дома-то реальные, стоят, а их обитателей как ветром сдуло.

Один из носильщиков подходит к перекладине с подвешенной на ней бамбуковой дощечкой. Ударяет по ней со всего размаха несколько раз. По горам раскатывается звонкое эхо. Минут через двадцать из кустов появляются двое воинов. Только татуировка на их телах несколько иная, чем у наших носильщиков. Они о чем-то совещаются со вновь прибывшими. Наконец нам сообщают: скоро прибудет новый отряд носильщиков из племени, которое обслуживает следующий участок тропы.

Один из двух воинов, явившихся по условному сигналу, уже отправился за ними в эвакуированное стойбище. А наши носильщики этой же ночью вернутся назад.

На рассвете прибыл новый отряд воинов. Со старинными тесаками и луками, босые, в набедренных повязках... Через два-три километра очередная смена «наряда».

На призыв бамбуковой дощечки вышло четверо светлокожих парней двухметрового роста. Они молча оглядели поклажу, пересортировали ее в два «места», легко взвалили груз на бамбуковые носилки и первыми двинулись в путь. Лишь раз парни сделали остановку — у пяти хижин на высоких сваях. Здесь устроили длинный привал, разгворились. Великаны-красавцы оказались местными коренными жителями из народности пухтай — лаолумами. Удивительной красоты женщины вынесли плоды кокосов. Бросилось в глаза, что женщины держатся от мужчин на расстоянии. Вот одна, сложив руки ладонями вперед, чуть согнувшись, стремительно пробегает от хижин к хижине, отгибая метров за пять нашу мужскую компанию. Оказывается, по пухтайским обычаям женщина не имеет права пройти между говорящими мужчинами. В одной из хижин виден большой портрет принца Суфанувонга.

Так от селения до селения и добрались мы до конечной цели нашего маршрута первых суток — небольшой деревни лаотхынгов. Здесь нам предстоит длительный отдых.

...Эту запись я делаю в хижине главы небольшого племени лаотхынгов. В разгаре солнечный день, а здесь, под низкой двускатной прокопченной крышей, полумрак; бушует пламя разведенного очага. По ночам, опасаясь налета, очаги не жгут. Предстоящей ночью снова двинемся в путь. Носильщики-воины, обслуживающие очередной участок горного «тракта», уже здесь. Отдыхают в соседних хижинах.

На косогоре, где временно разместилось эвакуированное племя, вовсю кипит работа. Толкут в каменных ступах рис, сооружают загоны для скота, готовят пищу... 18 хижин на сваях, 18 семей. Всего сколо ста соплеменников. Несколько месяцев назад было на одну семью больше. Да и жили они не здесь, а в зеленой низине, в полутора километрах. Кусочек оставленной деревни виден отсюда. Да вот из-за бомбардировок пришлось перенестись поближе к «священному лесу». Надеяться, что хоть это поможет? Об этом нам рассказывает Ван — 30-летний глава племени.

Сам он активно участвует в освободительном движении с 1961 года. Одним из первых перенес он сюда свою бамбуковую дощечку — алтарь предков и добрых духов. С этого и начиналась новая деревня.

За ним последовали другие. В первый же вечер Ван познакомил меня с самыми уважаемыми соплеменниками.

Старик Планг родился более шести лунных циклов назад. Он не застал «дофранцузского» Лаоса, а вот работоторговцев и вереницы рабов помнит. В ночной темноте бьетса тоненький язычок копилки. Перед ним, рядом со мной, сидят на корточках 76-летний Планг, наиболее уважаемые воины и землепашцы небольшого племени бывших «диких рабов». Планг монотонно, с большими остановками, рассказывает, словно былинку: «Раньше нас называли «кха» — дикие рабы, значит. Ни я, ни мой отец, ни мой дед не застали былого величия нашего народа, нашей страны. Нам выпала иная

В Освобожденных районах население создает систему эффективной обороны против диверсионных актов американской военной и ее марионеток.
На снимке: Защитная полоса из кольев преграждает дорогу диверсантам.

Под руководством Нео Лао Хак Сат в Освобожденных районах Лаоса идет борьба с неграмотностью.
На снимке: Класс для взрослых в Хиенг-Хуанге.

доля — доля тяжелых унижений и позора. Сколько наших соплеменников познали рабство и погибли на чужбине, в далеких краях, так и не увидев перед смертью свободу и родную землю!..».

Чтобы понятен был рассказ старика Планга, я напомню некоторые страницы истории Лаоса.

Первое лаосское королевство Лан Санг Хом Кхао — Миллиона слонов и белого зонтика — возникло в XIV веке. Своего наивысшего расцвета оно достигло в XVII веке. В него в то время входила часть нынешней территории Таиланда и Камбоджи. С XVIII века наступил период феодальной раздробленности.

На территории единого государства появились четыре самостоятельных королевства: в Нижнем Лаосе — Чампассак, в Верхнем Лаосе — со столицами во Вьентьяне, Сиенг-Куанге и Луанг-Прабанге. Они воевали друг с другом, а вскоре и сами стали добычей соседних сильных государств. Чампассак и Луанг-Прабанг попали в зависимость от Сиамы, а Вьентьян и Сиенг-Куанг — от Вьетнама. В начале XIX века последние отпрыски главных ветвей вьентьянской и сиенгкуангской королевских династий погибли или оказались пленниками на чужбине. К 1893 году в Лаосе остались две соперничавшие друг с другом династии — луангпрабангская и чампассакская, хотя уже в то время Луанг-Прабанг считался королевской столицей Лаоса. Об этих временах и рассказывал старый Планг.

«...Сотни тысяч лаотхынгов были уведены в чужеземное рабство, — продолжал он. — Вот почему нас называли «кха» — «дикие рабы». Но наши предки мужественно защищались, не раз наносили поражение армиям захватчиков. Дед моего отца был одним из участников битвы с сиамскими полчищами, битвы, которую проиграли лаотхынгги... Она шла три дня и три ночи. В схватку вступали все новые и новые подкрепления. Но силы были неравными. На третий день все поле битвы было усыпано телами павших воинов, а светлые воды рек окрасились в алый цвет от крови раненых...

Погибли сотни наших боевых слонов. Они лежали на зеленом ковре поля битвы, словно священные жертвы... И когда осталось совсем мало воинов и исход битвы был решен, предводитель мужественных лаотхынггов приказал дать знак о том, что он признает себя побежденным и сдается на милость победителей. Он вышел вместе со своими сыновьями перед несметными полчищами врагов. Взмахнул раз мечом — и голова старшего сына покатила на зеленую траву... Последним ударом острого тесака предводитель покончил с собой... Потерявшие в боях большую часть войска сиамцы устроили дикую резню и погромы мирных сел и городов... Те же, кто выжил и не успел уйти в джунгли, были уведены в плен и проданы навечно в рабство... Рассказывают, что после резни от одного из племен, насчитывавшего более 200 тысяч человек, осталось всего четыре тысячи...»

В беседу вступает Лой, сухонкий старичок с редкой белой бородкой. Он поправляет набедренную повязку, проводит руками по бороде и, обращаясь ко мне, медленно говорит. Мой друг Тхунг фразу за фразой переводит его слова: «О чужеземец, о сыновья и внуки мои! Я расскажу то, что сам видел или знаю от других. В годы моей юности старики считали, что свою волюность мы потеряли из-за усобиц между собой, из-за предательства, из-за того, что некоторые из нас, лаотхынггов и лаолумов, сами воевали друг с другом, чтобы захватить добычу и военнопленных, превратить их в рабов...»

Это было на моей памяти. Я участвовал в одном из набегов на соседнее племя... Темным был, поистине диким воином... У нашего вождя было много жен, наложниц и рабов из бывших пленников и бедняков, которых сами семьи отдали в рабство за долги. Но ему всего этого было мало. И он решил воспользоваться тяжелым положением соседнего племени, с которым мы поддерживали дружеские отношения.

Оно подверглось нападению пришельцев и, отстояв свободу, потеряло многих своих лучших воинов.

Вышли мы ночью, а к утру все было кончено. Рукопашная схватка длилась всего несколько часов... Тех, кто не сдавался, убивали на месте. В селение побежденного врага нахлынули наши соплеменники. Мы, воины, танцевали на поверженных трупах врагов, обмазав свои тела и тела своих близких родственников вражеской кровью. При свете полыхавших в огне хижин делили добычу и захваченных в плен мужчин, женщин, детей... А потом под боевые песни и гром барабанов ушли назад, уводя в свою деревню рабов, унося трофеи...

Слабых, старых и отчаянно сопротивляющихся добивали по пути. Больше всего трофеев досталось вождю... Многого забылось, а это остается в памяти до сих пор...

Бьется огонек копилки. Рядом с луками висят на перекладине карабины... Сквозь драпку пола виден темный провал бомбоубежища, а я все не могу вернуться к реальности. Ведь все это было на памяти вот этого человека. Ему нет и восьмидесяти. Работарговы, воины племени, танцы на телах поверженных врагов... Сидим молча, ждем продолжения рассказа. Но старик устал.

«Да,—вступает тогда снова в беседу Планг,— главное нам теперь — это держаться сплоченно. Вместе — мы великая сила...».

В эту ночь расходимся поздно. В хижине предводителя на циновках дети, жена, он сам, я и Тхунг. Душно. Бредит больной ребенок... Так и не сомкнув глаз, перебираюсь по шаткой лесенке вниз. Натягиваю между деревьев гамак, нейлоновую накидку, москитник и заваливаюсь спать... Просыпаюсь от прикосновения чьей-то руки. Глаза слепят мертвенно-белый свет, в ушах разрывы бомб и вой моторов... Ван тянет меня в бомбоубежище: «Пай, пай, сахар...» («Идем, идем, товарищ...») Над долиной, на уровне нашего склона, американские самолеты вывели осветительные ракеты. «Обрабатывают» квадраты полей и дорожку. Со всех сторон детский плач, причитания женщин, мычание скота, тревожный гомон петухов и вой реактивных двигателей. Все это, усиленное горным эхом, действительно звучит чудовищно, устрашающе... И так минут сорок.

А днем, пробудившись от громкого разговора, я снова вижу тихую деревушку на горном косогоре. Возле меня на зеленой лужайке беседуют двое лаосцев. Всмотриваюсь в лица и вспоминаю, что я их уже встречал за многие сотни километров отсюда. В Сам-Нёа. Они растирают опухшие ноги. Рядом на земле длинные белые мешки, вроде наших шинельных сакков, набитые рисом. Тесаки, пистолеты и фуражки с козырьком бойцов Патет-Лао. К верхнему карману походных вещмешков привязаны чашка, кружка, фляга и фонарь.

Мои знакомые — бывшие курсанты политического училища Нео Лао Хак Сат (Патриотического фронта Лаоса) в главной ставке Патет-Лао. Закончив учебу, будущие комиссары с мандатами на руках пробираются по племенным трактам на

родину, в самые дальние районы Нижнего Лаоса. По командировочному удостоверению получают на складах положенные по нормам рис, соль... С тех пор как они вышли, минуло почти четыре луны — около двух месяцев. А впереди еще столько же.

Идут, знакомятся со страной, рассказывают о том, что видели, узнали, поняли сами. Комиссары освободительной революции. Они начали борьбу двадцать с лишним лет назад простыми партизанами в отрядах легендарного Ситхона Коммадама здесь же, в джунглях Нижнего Лаоса...

В гости к нам пришли местные девчата Сам Ди, Ван Ди, Бан Тхон. Им по 14—16 лет. Невесты. По случаю гостей надели неизвестно какими путями попавшие сюда европейские платья, а поверх — цветастые кофты...

Многие молодые ребята из селения ушли на фронт. И они остались без женихов.

Один из комиссаров рассказывает: до сих пор среди племен этого района распространены обычай ранних браков. Замуж выходят с 12—14 лет. К 20 годам у некоторых уже по пять, шесть ребят, мал мала меньше. За невесту семья жениха или он сам платит большой выкуп.

Муж считается таковым, если он или его родители оказывают семье регулярную материальную помощь, вне зависимости от того, живет он в семье или нет. У большинства бойцов Патет-Лао семьи в деревнях, а они сами многие годы на фронте.

Возникают нередко и сложные ситуации. И тогда на помощь приходит обычное традиционное право. В отсутствие мужа или тогда, когда он не имеет с семьей связей несколько лет, жена и ее родители вправе договориться с другим женихом. Но тот уже калыма семье жены не платит. Такая история случилась и с моим другом, челонцем Тхунгом. Явился он через несколько лет в деревню, а его первая жена (в пору свадьбы ей было около тринадцати), живет с новым мужем. Увидела Тхунга, заплакала, просила взять обратно с ребенком от нового мужа. По обычаю первый муж в любое время сохраняет за собой право по возвращении вернуть себе жену или же оставить ее с новым спутником жизни, взяв с него сумму внесенного калыма. «Долго думал я, вспоминал свою жизнь, еще раз взвешивал свое отношение ко всему,— рассказывает Тхунг,— а под конец решил: не нужен мне калым. Не буду рушить новую семью. Погостил у матери и отца еще два дня, да и отбыл в партизанский отряд».

Кадровые работники организаций Фронта калым за невесту не выплачивают, да и отношение к брачному возрасту иное. Для некоторых категорий военнослужащих, кадровых работников и активистов Фронта введены негласные возрастные ограничения: девушкам рекомендуется выходить замуж не моложе 18—23 лет, а молодым людям — от 25 и старше.

Но если тот или иной кадровый работник Фронта женится в деревне, то он следует ее обычаям. Правда, в связи с войной и калым, и свадебные пиршества сократились.

Один из комиссаров берет музыкальный инструмент кхен, и на лужайке перед хижиной начинается лаосский круговой танец... Позвякивают браслеты и ожерелья, блестят глаза горянок Сам Ди, Ван Ди и Бан Тхон...

А через несколько часов покидаем гостеприимную деревушку. Вместе с нами уходят и комиссары. Кто знает, может, они еще вернутся сюда за невестами...

Загадки джунглей. Собрать «снежного человека»

А ЭТОТ раз передвигаемся днем по пролупленным в густых зарослях джунглей тропам. Сюда с трудом пробиваются рассеянные солнечные лучи. Во влажном полумраке среди затхлого, гниющего мира редко встретишь даже диких зверей. Лишь иногда по верхнему ярусу зеленого моря джунглей пронесется с криком и писком стаи обезьян. Зато пиваков и всякой другой нечисти хоть отбавляй. Единственное преимущество этих троп — возможность передвигаться в любое время дня и ночи. Здесь начинаешь понимать, почему местные жители предпочитают эти тропы широким автострадам. Они короче и безопаснее, привычнее. И в большей своей части невидимы, а значит, практически недостижимы для нанесения прицельных ударов американскими пилотами.

Здесь вдоль племенных трактов идет своя жизнь, которую не увидишь и не узнаешь, передвигаясь по шоссе. Вот и сегодня мы первый привал делаем у сложенных пирамидами груд камней. Рядом с ними на деревьях тесаками вырублены непонятные знаки. 12 воинов-носильщиков, сгрудившись около пирамид, что-то обсуждают, резко жестикулируя. «Кха тон льон?» — обращается к ним наш попутчик комиссар. В ответ дружные кивки в знак согласия. «Кха тон льон» — в переводе означает «дикари желтых банановых листьев». А еще их раньше называли «кха льон» — «желтые рабы». Даже у местных оседлых племен эти «дикари желтых банановых листьев» вызывают интерес как странное, удивительное племя. «Кха тон льон» занимаются сбором дикорастущих плодов и корней. Кочуют они в дремучих джунглях. А временным жильем им служат всеобразные шалаши-хижины из стволов и листьев диких бананов. Через неделю листья желтеют, и «желтые рабы» откочевывают дальше. Кроме того, они еще и охотятся на диких зверей. Мужчины «кха льон» славятся физической силой. Прямо с локтя могут моментально натянуть тетиву лука и выпустить отравленную стрелу. Точно в цель, «в яблочко».

Одно из лакомых блюд — растертая в порошок кора дерева — «коса».

После стоянок «кха льон» остаются пожелтевшие шалаши да огромные деревья с ободранной корой. Она ведь идет не только в пищу, но и на одежду. Осторожно вырезанный цилиндр снятой коры отмачивается в воде. Из получившегося твердого обода сооружают нечто вроде плотной несгибаемой «мини-юбки». Для разжигания огня «кха льон» используют кремни. Туши животных и птиц обжаривают на костре. Живут «желтые рабы» небольшими группами, иногда семьями. Порой они выходят из джунглей, чтобы обменять собранные ими лесные дары и охотничьи трофеи на необходимые вещи. За последнее время с удовольствием берут ножи и ткани... До сих пор «желтые рабы» подпиливают зубы. Это, по их поверьям, защищает от врагов, злых духов, придает силу воину. Вот и все, что рассказал о «кха-льон» комиссар. В родном краю он не раз участвовал в торговых операциях с «желтыми дикарями». «Кха льон» до сих пор сторонятся чужаков. Мена же обычно совершается так. «Кха льон» около определенного места, помеченного грудками камней и вырубками на деревьях, оставляют предназначенные для обмена корни, плоды, рога диких животных и уходят.

Сюда надо положить вещи, предлагаемые для обмена, и тоже уйти. Если «кха льон» забирают принесенные вещи — значит, мена состоялась. Нет — все приходится начинать сначала.

На этот раз мы разбили бивак около одного из бывших меняльных мест. Даже в трудные военные годы народная власть делает все возможное для оказания помощи этим отсталым племенам.

Во время перехода я услышал от воинов-носильщиков еще одно подтверждение рассказа генерала Синкапо о «лесных людях» — тропических двойниках нашумевшего в свое время «снежного человека». Они обитают, судя по рассказам очевидцев, в джунглях на склонах Длинного (Аннамского) хребта в Среднем и Нижнем Лаосе. Что же известно о «тхак-тхе» («лесных людях»? Они в два метра высотой. Руки длиннее, чем у человека того же роста. Тело густо покрыто бурой шерстью. На лице, за исключением бороды, растительности нет. Питаются клубнями и плодами. Живут по одной-две семьи. Не знают, что такое огонь. Ходят несколько согнувшись. Отлично лазают по деревьям. Между собой «разговаривают» какими-то гортанными криками.

Интересно, что рассказ о «лесных людях» мне довелось слышать и по ту сторону Длинного хребта от южновьетнамских партизан. Записал в Южном Вьетнаме такие же истории и мой друг, австралийский журналист Уилфред Бэрчетт.

Еще одна загадка таинственных джунглей. Кто знает, может быть, действительно на земле еще обитает так и не развивавшаяся параллельная ветвь человеческого древа, ведущая начало от питекантропа?

Но все это можно будет подтвердить или опровергнуть в лучшем случае после окончания войны.

...То и дело на пути попадаются затянутае дымкой черно-красные плешины на склонах гор. Это лаотхынгги выжигают участки горных джунглей под поля. А через два-три года все повторится снова. Участочки небольших размеров — такие трудно прицельно бомбить... Кое-где на выжженных полях уже зеленеет суходольный рис, кукуруза и маниока... Вместе с выжигальщиками-лесорубами входим в небольшую деревянную лаотенгов. Снова разбросанные в беспорядке хижины на сваях. Нас встречают землепашцы-воины в надбедренных повязках. Луки и стрелы, за спиной острые тесаки на поясе...

Голопузые ребятишки — дети войны... Лица некоторых в рябинках ослы, зобы, вздутые животы... Но большинство выглядит неплохо...

Ноют разбитые в кровь ноги, побаливает контушенная спина... Добравшись до очередной стоянки, отлеживаемся все свободное время. Представитель Фронта в очередном эвакуированном поселке долго вертит в руках наши документы, а затем просит одого из комиссаров прочитать их вслух... «Теплай» («Хорошо»), — заключает он и ведет на постой, по хижинам. В этой, как и в других деревнях лаотхынггов я не видел ни гончарного круга, ни глиняной посуды собственного производства. Обходятся бамбуком и кокосовыми плодами. Скорлупы плодов кокосового дерева приспособивают под сосуды самого различного назначения. В них же носят из горных ручьев воду. Из бамбука делают почти все — от хижин и до водопровода, от загонов для скота до факелов, от походных флагов до переночей, от мебели до переправ через горные реки. Молодые побеги бамбука идут в пищу. Недаром сложено о нем столько легенд и песен...